

Смена. - с. 78. - 1996. -
“Всю жизнь
 20 янв. - с. 7.
я дул в подзорную
трубу...”

КАЖЕТСЯ, мы прочли уже всего Довлатова - сперва в серии разрозненных посмертных изданий, затем в трехтомнике, выпущенном два года назад в “Лимбус-пресс” и разошедшемся 100-тысячным тиражом. Уже перечитали трехтомник и по второму, и по третьему разу, готовы воспроизвести дословно многие довлатовские остроты, афоризмы, байки, ставшие апокрифами. Знаем давно, что практически все, написанное Довлатовым, издано - за исключением ранней, доэмиграционной прозы (но ее публиковать Довлатов категорически запрещал). А все равно ощущение такое, что - мало. Хочется Довлатова еще и еще...

В какой-то мере эту читательскую тоску удовлетворит изданный в последние дни 95-го года сборник “Малоизвестный Довлатов”. Он появился на свет благодаря журналу “Звезда” и его соредактору Андрею Арьеву (многолетнему другу Довлатова, а в последние годы и литературному душеприказчику). Сборник этот - своеобразное дополнение к упомянутому трехтомнику: тот же формат, та же белая суперобложка, графически оформленная Александром Флоренским, ему же принадлежат и рисунки в самой книге.

КОНЕЧНО, внимательному книголюбу и здесь покажется многое знакомым. К примеру, “Две сентиментальные истории”, три ранних рассказа, переписанные в Нью-Йорке (“Солдаты на Невском”, “Роль”, “Дорога в новую квартиру”), четыре рассказа последних лет (самый яркий - “Петух, запеченный в глине”), встречались нам и в специальном, “довлатовском” номере “Звезды”, и в “довлатовском” альманахе “Петрополь”, и в других номерах той же “Звезды”. Там же читали мы и неизданную книгу “Марш одиноких” (“колонки редактора”, написанные Довлатовым для газеты “Новый американец”), и ряд его статей на литературные темы, и воспоминания о Довлатове Рейна, Наймана, Сосноры, Уфлянда, Кривулина, Валерия Попова, Вайля, Гениса и многих других. Но, во-первых, все эти вещи впервые собраны под одной обложкой (какой именно обложкой - тоже немаловажно). Во-вторых, самое, пожалуй, ценное в этой книге - впервые опубликованные письма Довлатова. Взятые из домашних архивов адресатов и самого писателя, они даже знатокам довлатовского творчества покажутся откровением.

“Всю жизнь я дул в подзорную трубу и удивлялся, что нету музыки. А потом внимательно глядел в трюмбон и

“Малоизвестный Довлатов”,
автор писем, и похож, и не похож
на героя своей прозы

удивлялся, что ни хрена не видно. Мы осушали реки и сдвигали горы, а теперь ясно, что горы надо вернуть обратно, и реки - тоже. Но я забыл, куда. Мне отомстят все тургеневские пейзажи, которые я игнорировал в юности...” (76, Людмиле Штерн).

О нью-йоркском быте: “У нас теперь большая квартира. Настолько, что можно всем одновременно поссориться...”

Об эмиграции: “Многие героические диссиденты превратились либо в злобных дураков, как М., либо (как это ни поразительно) в трусов и приживалов из максимовского окружения, либо в резонеров, гримирующихся под Льва Толстого и потешающих Запад своими китайско-сталинскими френчами и революционно-демократическими бородами. Почти все русские здесь рядятся в какую-то театральную мишуру, Шемяка увесил себя железными масонскими цацками, спит в сапогах, потому что снимать и надевать их - чистое наказание...” (82, Юлии Губаревой).

О своих друзьях и собутыльниках:

“Вайль и Генис относятся к тебе настолько хорошо, насколько это позволяет их рижское происхождение и усеченный взгляд на литературу как на веселое и приятное занятие зажиточных нарядных людей. Я уже говорил и писал когда-то: отсутствие чувства юмора - трагедия для литератора, но отсутствие чувства драмы (случай Вайля и Гениса) тоже плохо” (Науму Сагаловскому).

Арьеву, в связи с подготовкой к своей первой публикации на родине, в “Звезде”: “Вычеркнуть можешь что угодно, тем более что “Филиал” написан толчками, розановским (извини за сравнение) пунктиром, так что вычеркивать - одно удовольствие, и это меня сравнительно мало волнует, но если кто-то захочет что-либо вписать, то останови этого человека, и чем талантливее лицо, которое впишет в мой текст что-либо свое, тем это ужаснее. Теоретически, самое ужасное, если бы Достоевский что-то вписал в мое произве-

дение”.

Ему же, год спустя, в 90-м: “...друзей у меня не так много, раздражительность увеличивается с каждым запоем, а главное, я все же на четырех работах: литература, радио, семья и алкоголизм. Не говоря о том, о чем ты сейчас подумал...”

Таковы штрихи к портрету “малоизвестного Довлатова” - и похожего, и непохожего на героя его прозы, столь полюбовавшегося читателям.

Что же касается довлатовской откровенной, а порой уничижительной насмешливости по отношению к реальным людям (что создавало некое конфликтное поле вокруг прозы еще в пору первых публикаций), то составитель, наверное, все же прав, когда заменяет в ряде случаев фамилии инициалами, а где-то и вовсе многоточиями. Тем более что инициалы легко читаются, а многоточия угадываются. Но “дразнить гусей” и провоцировать появление новых романов-отповедей (по образцу “Ножика Сергея Довлатова”) совершенно ни к чему.

Прав Андрей Арьев и в том, что “академическое” издание полного собрания сочинений Сергея Довлатова - дело отдаленного будущего, если это отдаленное будущее такую потребность ощущает.”

Всеволод СТОРОННИЙ